

САМЫЙ ОБИЖЕННЫЙ ИЗ ВЕЛИКИХ

230 лет назад Йозеф Гайдн приехал в Айзенштадт

Независимая газ. 1996-В. н. об. - с. 7

Вадим Журавлев

Дата

ПРИЕХАЛ, чтобы 5 лет прослужить в качестве вице-капельмейстера и еще почти 20 лет — первым капельмейстером князя Эстергази. Мадьярский магнат все время пенял композитору на слишком серьезный характер сочиняемой им музыки, сам Гайдн тяготился этим шикарным захолустьем (это сейчас от Вены до Айзенштадта не спеша за час доехать можно). Но даже в унизи­тельном статусе создателя «столовой» и танцевальной музыки сын каретного мастера, почти са­моучка, каким-то чудом сохранил свой уникальный дар. И Моцарт, которому покровительствовал опытный Гайдн, лучше других напишет о его таланте: «Никто не может всего: шутить и потрясать, вызывать смех и трогать, как Гайдн». Вырвавшись из красивой айзенштадтской клетки, Гайдн осуществил давнюю мечту о путеше­ствиях. И вдруг оказалось, что за годы добровольного заточения, сам того не ведая, он стал патриархом европейской музыки. Лондонские триумфы, возвращение в Вену, причисление к лику классиков «венской школы». И финал творческой жизни: 104 симфонии, 83 квартета, 52 клавирные сонаты, 24 оперы и зингшпиля...

Впрочем, уже через десяток лет после смерти (1809) образ «париконосца» и придворного капель­мейстера, плавившего по течению жизни, не вписался в представле­ние эпохи о романтическом бун­таре-одиночке. Точно с упреком глашатай новой эпохи — Гофман — написал: «В сочинениях Гайдна раскрывается детски радостная

Куклы Кристофера Лейта.

душа... Жизнь, полная любви, полная блаженства и вечной юности, как до грехопадения; ни страдания, ни скорби...» И уж если так относились к «айзенштадтскому узнику» романтики, то вполне можно согласиться с биографом Гайдна Роббинс-Ландоном, уже в нашем веке назвавшем его «самым обиженным из великих композиторов». В конце же XX века, открывшего для себя заново таких симфонических титанов, как Малер и Брукнер, к симфониям Гайдна с натуралистически образным миром («Курица», «Медведь», «Часы», «Огонь», «Школьный наставник») многие относятся и вовсе с пренебрежением. А оперы Гайдна совсем забыты.

Вернуть интерес музыкального мира ко многим забытым творениям Гайдна решили организаторы ежегодного фестиваля «Гайдновские дни», появившегося на свет больше десяти лет назад. Все эти годы этот «камерный» во всех отношениях фестиваль в Айзенштадте старательно пропаган-

дировал аутентичный гайдновский стиль, приглашая лишь музыкантов, которые внесли значительный вклад в интерпретацию или возрождение гайдновской музыки. В этом году главным событием фести­вала стала постановка оперы «Филемон и Бавкида» на извест­ный античный сюжет. Этой оперой Гайдн положил в свое время начало новому жанру — «deutsche Marionettenoper», т.е. разновид­ности зингшпиля для кукольного театра. «Филемон и Бавкида» вместе с прологом «Совет богов» были написаны в Айзенштадте в 1773 году специально к ознаменованному открытием нового кукольного театра приезду в резиденцию Эстергази «австрийской Екатерины» — императрицы Марии Терезы. Государыня осталась путеше­ствием довольна и записала в дневнике: «Если я захочу услышать хорошую оперу — поеду к Эстерхази». (Или к Гайдну?) Последнее упоминание оперы при жизни композитора было в 1799-м, до середины нашего века о ней

вообще ничего не знали (не считая увертюры, которую композитор переработал для первой части Пятнадцатой симфонии), а начиная с 50-х состоялось несколько постановок, которые по пальцам пересчитать можно.

Двести лет, прошедшие со дней лондонских триумфов композитора, не прошли даром. Верные традициям английские постановщики и исполнители новой версии «Филемона и Бавкиды» явили на фестивале гайдновский стиль «шутя и потрясая». Великолепный ансамбль старинных инструментов «The English Concert» с собственным хором под руководством дирижера Тренора Пиннока являлся, кажется, все возможные для инструментов эпохи Гайдна краски и средства выразительности, а хор с солистами заставлял наслаждаться изысканно-витиеватыми, точно уникальные росписи дворца Эстергази, узорами ансамблевого пения. Особый интерес вызывала постановка, осуществленная вместе с труппой «The Little Angel Theatre» (единственного постоянного театра кукол в Лондоне) режиссера Кристофера Лейта. Для пролога, эдакого политического фарса в духе парламентских дебатов, режиссер выбрал кукол на сестах. Для земной истории святых фригийских стариков — марionеток, видимыми нитями связанных с головами и руками кукловодо­в. Но главное, Лейт, основывающийся в своей работе на традициях индийской танцевальной драмы и классических японских театральных школ, создал уникальное действо, в котором куклы, артисты и певцы в черных костюмах, простые и стильные декорации сливались с музыкой, завораживая зал сказочной красотой и философской глубиной решения незатейливых моралите эпохи Гайдна.

Айзенштадт — Москва